

Спустя полчаса. Гора Чунмин.

Чжоу Цзылан, сидя во дворе, с остекленевшим взглядом смотрел на Шан Сюаня и на черную как смоль бурду, которую тот держал в руках.

Он пожалел. Этот щенок определенно вознамерился его отравить! Как вообще можно исцелиться этим варевом, похожим на помой? Лечить яд ядом? А этот запах... Даже стараясь не дышать, Чжоу Цзылан все равно чувствовал тошнотворное зловоние. Оно буквально пронзало насквозь!

При этом «щенок» Шан Сюань смотрел на него с выражением крайней растерянности, бережно поддерживая миску обеими руками, и нервно, с запинкой произнес:

— Учитель, почему вы не пьете? Вы мне не доверяете?

Чжоу Цзылан сохранял невозмутимое лицо, хотя внутри у него все клокотало. Учитывая образ великого демона из оригинального романа, он сомневался в порядочности этого парня. Однако, по логике вещей, в этот период времени Шан Сюань еще не должен был на него покушаться.

Пока Чжоу Цзылан колебался, Шан Сюань опустил голову, закусил губу, а его пальцы, сжимавшие миску, побелели. От него исходила аура брошенного, несчастного существа:

— Меня никогда никто не любил, и никто мне не верит. Опасения Учителя оправданы. Вероятно, мое лекарство бесполезно, и пить его нет нужды.

С этими словами он развернулся, собираясь выплеснуть содержимое миски.

Чжоу Цзылан замер. Пить эту дрянь ему, конечно, не хотелось — он был уверен, что Шан Сюань приготовил это специально, чтобы насолить ему. Но при виде такой жалкого вида парня он вспомнил себя в детстве: когда он впервые решил совершить добрый поступок и купил кому-то подарок, тот не только не принял его, но и заподозрил недоброе. Это чувство неловкости и ярости, которую некуда было выплеснуть, тогда заставило его швырнуть покупку человеку в лицо и хорошенько его отметелить.

Чжоу Цзылан опасался, что если сейчас отвергнет Шан Сюаня, тот затаит обиду и, став сильнее, вернет ему все сторицей. Осознав эту перспективу, он вздрогнул, в два шага подскочил к Шан Сюаню и перехватил его руку, не давая вылить отвар.

Ужасный запах все еще стоял в воздухе. Чжоу Цзылан выдавил из себя улыбку и с трудом произнес:

— Раз я обещал, то не стану сомневаться в тебе. Просто это лекарство пахнет... весьма специфически.

Сказать, что оно пахнет как отравка, он не решился — боялся ранить чувства Шан Сюаня и нажать себе врага. В конце концов, в книге этот щенок был невероятно злопамятным.

Подумав так, Чжоу Цзылан забрал миску из рук ученика, зажмурился, задержал дыхание и, проявив поистине героическую решимость, залпом осушил ее.

Наблюдая за его мученическим выражением лица, Шан Сюань едва заметно усмехнулся. Его драгоценный Учитель ради того, чтобы втереться в доверие, готов на все. Если бы он не знал истинную натуру этого лицемера, то, пожалуй, и правда поверил бы в искренность его поступков.

Впрочем... Шан Сюань бросил взгляд на печь, где лежали остатки трав, и едва слышно хмыкнул. На самом деле Чжоу Цзылан не был отравлен. В той чашке с чаем, которую он пил раньше, был не смертельный яд, а лишь успокоительное средство, предназначенное для нанесения на кончик носа во время медитации. Его нельзя было принимать внутрь — последствия были куда серьезнее, чем от снотворного: человек на три дня терял всякую силу. Конечно, через три дня эффект прошел бы, и все пришло бы в норму.

Но его Учитель, похоже, не знал о свойствах этого состава и искренне поверил, что отравлен. Хотя, постойте, ведь это сам Чжоу Цзылан его подсыпал, как он мог не знать? К тому же характер Учителя казался немного иным, чем в прошлой жизни. Будто... это был он, но не совсем.

Шан Сюань прищурился, погружившись в раздумья.

Тем временем Чжоу Цзылан, зажав нос, допил лекарство. Ужасный привкус не желал покидать рот, и отвращение исказило его лицо. С трудом подавляя рвотные позывы, он поставил миску и сурово посмотрел на Шан Сюаня:

— В следующий раз добавь меда.

Развернувшись, он пошел прочь к своей бамбуковой хижине, демонстрируя полное безразличие. Если это лекарство не подействует, он первым делом придушит этого щенка!

Шан Сюань приподнял бровь. Теперь и вкусовые предпочтения изменились. Лан Юэ из прошлой жизни никогда не ел сладкого. Хотя, возможно, дело было в том, что он сам переборщил с концентрацией, и горечь была невыносимой.

Полдень. Чэнь Ецин, закончив свои дела, бодрым шагом направился на гору Чунмин.

Шан Сюань как раз готовил обед на кухне. Хотя людей на горе было мало, а Чжоу Цзылан уже давно перешел на питание духовной энергией, кухня все же имелась. А поскольку Шан Сюань был слаб и нуждался в обычной пище, глава секты Цинли заранее распорядился доставлять продукты.

Увидев Шан Сюаня, хлопчущего у плиты, Чэнь Ецин презрительно фыркнул, высокомерно задрал подбородок, бросил в сторону парня Маленький никчемный мусор и удалился. Вскоре послышался грохот и звон посуды. Шан Сюань на мгновение замер, но затем невозмутимо продолжил резать овощи.

Когда он вышел с готовой едой, то, как и ожидалось, обнаружил, что все вещи из его спальни выброшены во двор и разбросаны по земле. В прошлой жизни Чэнь Ецин проделывал то же самое. Шан Сюань даже бровью не повел. Он поставил еду на каменный стол во дворе и принялся неспешно есть.

Почуввав запах пищи, Чэнь Ецин вышел из спальни — вернее, из спальни Шан Сюаня — и, взглянув на него, бесцеремонно скомандовал:

— Эй, никчемный мусор, я проголодался. Принеси-ка мне еду.

Шан Сюань проигнорировал его и продолжил трапезу. Чэнь Ецин, не привыкший к такому игнорированию, пришел в ярость. Он нахмурился, подошел ближе и свысока посмотрел на парня:

— Ты что, оглох? Я сказал — принеси мне еды!

Шан Сюань снова не ответил. Он как раз подцепил палочками зелень, собираясь положить ее в миску. В этот момент Чэнь Ецин взмахнул рукой и выбил палочки у него из рук. Еда вместе с зеленью шлепнулась на землю.

— Ты смеешь игнорировать меня? Жить надоело? — прошипел Чэнь Ецин, свирепо глядя на него.

Шан Сюань же, не торопясь, поднял свои темные, как омут, глаза и встретился с ним взглядом. Опять этот пугающий взгляд. Чэнь Ецин сжал кулаки, но не отступил, продолжая давить:

— Что, не нравится? Если есть смелость, давай сразимся один на один!

В то время как атмосфера во дворе накалилась до предела, Чжоу Цзылан, прятаясь в бамбуковой хижине, присел у окна и с самым что ни на есть подлым видом наблюдал за представлением. Услышав предложение Чэнь Ецина о поединке, он с трудом сдержал ликующее: Хорошо!

Оставить Чэнь Ецина на горе Чунмин было лучшим решением в его жизни! Теперь у него был идеальный альянс злодеев, где один играл роль плохого, а другой — хорошего. В будущем Чэнь Ецин будет принимать на себя весь гнев, а он будет проявлять доброту к Шан Сюаню. На таком контрасте Шан Сюань точно больше не захочет его прикончить!